

**ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА – ВОЗОБНОВИТЬ
УСТОЙЧИВЫЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ
(ИНТЕРВЬЮ)**

Аганбегян А.Г.¹

Аннотация. Фундаментальная неопределенность в отношении развития пандемии остается основным фактором, определяющим дальнейшее развитие мировой экономики и препятствующим оценке баланса рисков. Спад ВВП может оказаться менее глубоким в случае, если нормализация экономической ситуации будет происходить быстрее, чем ожидается. О том, что ждет экономику России в перспективе, какой комплекс мер необходимо осуществить, чтобы преодолеть стагнацию и возобновить устойчивый социально-экономический рост, а также о ситуации в мировой экономике ответил редакции академик Российской академии наук Абел Гезеевич Аганбегян.

Ключевые слова: кризис, стагнация, санкции, экономический рост, бюджет, платежеспособный спрос, доходы населения.

**THE MAIN TASK IS TO RENEW SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC GROWTH
(INTERVIEW)**

AGANBEGYAN A.G. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: aganbegyan@ranepa.ru

Abstract. Fundamental uncertainty about the pandemic development remains the main factor determining the further development of the world economy and hindering the assessment of the balance of risks. The decline in GDP may turn out to be less severe if the economic situation normalizes faster than expected. Academician of the Russian Academy of Sciences Abel Gezeevich Aganbegyan told the editorial office about what awaits the Russian economy in the future, what complex of measures must be taken to overcome stagnation and resume sustainable socio-economic growth, as well as the situation in the global economy.

Keywords: crisis, stagnation, sanctions, economic growth, budget, solvent demand, income of the population.

Аганбегян Абел Гезеевич – доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук, адрес: 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, Российская академия наук, e-mail: aganbegyan@ranepa.ru

– Абел Гезевич, как Вы оцениваете социально-экономическую ситуацию в России?

– Мы переживаем третий период развития новой России, возникшей 30 лет назад. Напомню, что первый 10-летний период (1991–1998/1999 гг.) – трансформационный кризис, вызванный распадом СССР и «шоковым» переходом к рыночной экономике. ВВП сократился в 1,8 раза, реальные доходы – в 1,9 раза, инвестиции в основной капитал – почти в 5 раз. Возникла крупная безработица – около 10 млн. человек – и депопуляция населения – 950 тыс. человек в год.

Второй 10-летний период (1999–2008 гг.) – восстановительный подъем. ВВП увеличился в 1,9 раза, реальные доходы – в 2,3 раза, инвестиции – в 2,8 раза, втрое снизились безработица и депопуляция.

Третий, нынешний период (2009–2021 гг.) – время кризисов и стагнаций: циклический общемировой кризис 2009 г., который в России был самым глубоким из 20 ведущих стран мира, представленных на мировом саммите, затем трехлетний (2010–2012 гг.) восстановительный период, после чего началась 7-летняя стагнация (2013–2019 гг.) с рецессией 2015 г., которая перешла в структурный кризис 2020–2021 гг. Этот кризис связан с коронавирусной пандемией во всем мире и сокращением нефтегазового комплекса, который формировал около половины федерального бюджета России. Экономика в этот период топталась на месте, а социальная сфера – доходы и потребление населения, образование и здравоохранение сокращались. Смертность перестала снижаться, а с 2017 г. начался второй демографический кризис с уменьшающейся рождаемостью и депопуляцией, которая привела к падению народонаселения страны. Так что социально-экономическая ситуация, как видите, безрадостна.

– Официальные лица и средства массовой информации ежедневно подчеркивают, что Россия проходит этот кризис легче, чем многие другие, прежде всего развитые, страны. Так ли это?

– Число зараженных и умерших от коронавируса в России меньше, чем в большинстве других стран. Здесь мы занимаем примерно 50-е место. Эти показатели в разы выше в США и крупных странах Европы, а также в Индии, Бразилии и многих других странах. Лучше, чем у нас, обстоит дело в Китае, Южной Корее, Японии и некоторых других в основном азиатских странах.

В России также в 2020 г. меньше, чем в США и в Европейском сообществе, сократился ВВП – всего на 3,1%, промышленность – на 2,9%, реальные располагаемые доходы населения – на 3,5%. Благоприятнее начался и 2021 г.

Вместе с тем в период стагнации, предшествующий этому кризису, валовые вложения в основной и человеческий капитал снизились более чем на 5%. В 2020 г. валовые накопления сократились дополнительно на 6,2%. С 2015 г. в связи с изменением системы финансирования снизился на 10 млн. кв. метров (на 13%) ввод жилья, на 20% сократился экспорт. Всё это – главные драйверы со-

циально-экономического роста. И они с учетом стагнации по сравнению с 2012–2013 гг. снизились намного больше, чем в других странах. Поэтому возобновить социально-экономический рост нам будет намного труднее, чем другим странам. И наши наметки по темпам социально-экономического развития для выхода из кризиса существенно уступают показателям других стран. Это видно и по утвержденному федеральному бюджету на 2021–2023 гг. Расходы по бюджету в целом, а также по национальной экономике, образованию и здравоохранению в 2023 г. запланированы ниже 2021 г. в реальном выражении на 10–20%. Особенно сильное сокращение средств в бюджете на образование и здравоохранение. В других странах выделенные средства намечено увеличивать из года в год.

Главными народнохозяйственными показателями в период стагнации и кризиса являются показатели реальных доходов и конечного потребления домашних хозяйств, а также связанные с ними показатели розничной торговли, платных услуг, покупки жилья. Объем розничного товарооборота вместе с платными услугами населению по физическому объему в 2019 г. были ниже показателей 2013 г. примерно на 10%, а реальные располагаемые доходы населения – даже на 10,6%. И на это накладывается дополнительное снижение этих показателей в 2020 – начале 2021 гг. Так что в кризис они снизятся по отношению к уровню 2012–2013 гг. на 12–14%, что в разы больше, чем в других странах, в том числе в США и крупных странах Европы, где возмещению потерянных доходов уделяется особое внимание. К тому же число бедных с 15,5 млн в период стагнации увеличилось более чем на 3 млн, а в кризис 2020–2021 гг. возросло ещё на 1,5 млн. Самое тяжелое последствие кризиса – подрыв сохранности народа России, основной целевой установки нашего социально-экономического развития (из-за рекордного повышения смертности) вместе с показателями здоровья населения, которое значительно ухудшилось, и серьезно снизившимся уровнем жизни.

Второй демографический кризис 2020–2021 гг. стал демографической катастрофой, поскольку общая смертность населения с мая 2020 г. по январь 2021 г. увеличилась на 380 тыс. человек – на 22% к соответствующему периоду прошлого года. Вместо обычного сокращения смертности за год – на 30 тыс. человек. Поэтому упущенная смертность значительно превысила 400 тыс. человек и продолжает увеличиваться, во всяком случае, в феврале-марте 2021 г. По-видимому, она дойдет до полумиллиона человек. Это будет самый высокий в мире прирост общей смертности среди всех крупных стран. Заметим, что в Германии, Японии, Китае, Южной Корее, Израиле, Швейцарии и ряде других стран общая смертность не выросла, несмотря на смертность от пандемии, которая была компенсирована снижением смертности от других болезней, как это происходило в предшествующие годы. В России, напротив, около 50% умерших не болело коронавирусом, а умерло от сердечно-сосудистых, легочных, желудочных, эндокринных и некоторых других болезней. А половина смертей приходилась на людей, болевших коронави

русом, из которых только у одной трети коронавирус был указан как основной источник смерти. При этом естественное сокращение населения в 2020 г. (превышение смертности над рождаемостью) составило 689 тыс. человек. С учетом снижения прироста мигрантов, который в 2020 г. составил 107 тыс. человек, общее население России снизилось на 582 тыс. человек впервые в последние 15 лет. В начале 2021 г. сокращение населения продолжается, и оно уже превысило 600 тыс. человек.

Столь значительное увеличение смертности привело к небывалому за год снижению ожидаемой продолжительности жизни на 2,3 года с 73,4 в 2019 г. до 71,1 в 2020 г. Так что здоровье населения существенно ослабло. По расчетам Минздрава, к национальному проекту «Здравоохранение» ожидаемая продолжительность жизни 2019 г. восстановится только в 2024 г.

С учетом всего сказанного утверждение о легкости прохождения Россией кризиса после коронавирусной пандемии в целом не соответствует действительности. Вывод надо делать прямо противоположный. По показателям снижения уровня жизни, здоровья, продолжительности жизни и сохранности народа Россия – худшая страна среди крупных стран по итогам кризиса. Кроме того, в отличие от других стран у нее подорваны драйверы социально-экономического роста. Это касается прежде всего инвестиций в основной и человеческий капитал – главный источник социально-экономического роста.

– Ситуация, которую вы обрисовали, во многом сложилась по объективным причинам – санкции против России, снижение цен на нефть и газ, сокращение мировой экономики. Так ли это?

– Процессы, которые вы назвали, действительно имели место. Особенно сильно повлияли санкции, связанные с препятствием в участии российских организаций в мировом финансовом рынке, ограничением в поставках продукции двойного назначения (для военных и гражданских целей) и запретом на поставки в Россию нефтегазового оборудования для освоения сложных месторождений на шельфе, из сланцевых пород и др. Их влияние оценивается ежегодно в размере недополучения 1% ВВП. Нефтяные цены действительно снизились со 110–115 долларов по максимуму в 2012 г. до 50–60 долларов в последний месяц. Это тоже повлияло на темпы в размере около 1% в год.

Что касается мировой экономики, то она в годы стагнации в России увеличивалась по 3–4% ежегодно и сократилась только в 2020 г. В 2021 г. она в значительной мере восстановится и вновь будет развиваться примерно такими же темпами, как и раньше. Негативное воздействие санкций и нефтегазовых цен на социально-экономический рост страны можно было в значительной мере преодолеть, если бы выполнялась намеченная в указах президента РФ В. В. Путина от 7 мая 2012 г. программа социально-экономического развития до 2020 г. Среднегодовой рост на

этот период намечался в размере 5%. В указе президента РФ В. В. Путина о долгосрочной экономической политике предусматривалось увеличить долю инвестиций в основной капитал с 21% в 2012 г. до 25% в 2015 г. и 27% в 2018 г., что предполагало средний рост инвестиций по 12,5% в год. Если бы эти показатели были выполнены, то страна бы развивалась по 3–4%. И никакой стагнации бы не было.

Кстати, стагнация началась с первого квартала 2013 г., когда прирост ВВП составил 0,7%, снизившись за год в 7 раз. И первым годом стагнации был 2013 г., когда ВВП вырос всего на 1,3%. В первом квартале 2014 г. темпы ВВП упали ещё вдвое и составили 0,6%. Формально санкции начались со второго квартала 2014 г. Но они касались отдельных лиц и организаций и не оказывали сколь-нибудь заметного влияния на общеэкономический рост. Это влияние началось только с четвертого квартала 2014 г. после введения указанных выше системных санкций. И цены на нефть поддерживались на самом высоком уровне до июля 2014 г., так что стагнация началась за 1,5 года до негативных процессов.

В 2013 г. предприятия и организации России заняли 90 млрд. долларов у мирового финансового рынка. И до этого в 2010 г. они заняли 80 млрд. долларов, а в 2012 г. – 100 млрд. у мирового финансового рынка. Повышение цен на нефть в 2010–2012 гг. вдвое дало значительный прирост экспортной выручки. Но эти огромные средства, так же как и крупные золотовалютные резервы страны, как ни странно, не были использованы для предотвращения стагнации.

В период восстановительного подъема в 2010–2012 гг. мы разогнали инвестиции в основной капитал. В частности, в 2011 г. они возросли на 10,8%. Ключевая ставка Центрального банка при этом была в размере 5,5%, и кредиты предприятиям выделялись по самым низким процентным ставкам в истории новой России. Инфляция тоже достигла минимума – 5,1% в 2012 г. Благоприятнейшие условия для экономического роста! А экономика остановилась – промышленность и инвестиции в основной капитал на нуле, экспорт даже снизился на 2%, и мы угодили в стагнацию.

– Тогда в чем же причина возникновения стагнации? Может быть, другие страны снизили темпы? Может быть, сократился наш внешнеэкономический оборот? Что произошло в конце 2012 – 2013 гг.?

– В стагнацию мы попали закономерно, рукотворно сотворив ее прежде всего из-за резкого сокращения государственных инвестиций в 2013–2015 гг. За эти три года они снизились на 31%. Плюс на 30%, как по команде, снизили инвестиции крупнейшие корпорации, контролируемые государством: Газпром, РЖД, Ростехнология и Росатом. На 26% уменьшились инвестиции в федеральном и региональном бюджетах. Одновременно государственные банки на 25% сократили объем инвестиционных кредитов по основному капиталу. А ведь суммарно все эти инвестиции составляли половину общих инвестиций в стране. И такое их падение

спровоцировало снижение общего объема инвестиций на 11%, несмотря на то что частный сектор в эти годы увеличил эти инвестиции на 10%. В эти годы у нас к тому же не увеличивались основные фонды из-за того, что инвестиции, которые их вызывали, упали на 15% в кризис 2008–2009 гг. и не сразу восстановились. А ведь инвестиции в основной капитал более чем наполовину определяют экономическое развитие индустриальной страны, какой является Россия, где промышленность создает около 30% ВВП. Из-за отсутствия инвестиций в 2013 г. промышленность просто остановилась, как и другие отрасли материального производства (кроме сельского хозяйства). А дальше на это уже наложились санкции, снижение цен на нефть, но это всё произошло в конце 2014-го и главным образом в 2015 г., что вызвало небольшую рецессию в экономическом плане: ВВП снизился на 2,8%, промышленность – на 3,4%.

А вот социальные показатели из-за отсутствия нормальной социальной политики в эти годы просто рухнули.

В связи с девальвацией рубля из-за снижения цен на нефть инфляция в 2015 г. составила 15,5%. А денежная зарплата, как ни странно, выросла в меньших размерах, чем в предшествующие годы при вдвое меньшей инфляции. Поэтому реальная зарплата упала на 9,5%. Реальные доходы стали снижаться ещё с 2014 г. и продолжили свое снижение в 2016-м и даже в 2017 г., а всего сократились на 10%. На 9% в 2015 и 2016 гг. снизилось конечное потребление домашних хозяйств. На 15% упала розничная торговля. Как можно было допустить при снижении экономики менее чем на 3% уменьшение реальных доходов и потребления на 10%? Или это полное отсутствие мониторинга, предвидения, управления этим процессом. Такое же отношение было и к динамике государственных инвестиций. Ведь они падали три года подряд. Можно было бы уже после первого года принять меры и, например, увеличить вдвое-втрое мизерные инвестиционные кредиты банков, предотвратив стагнацию. Ничего этого сделано не было.

Хочется пометать. Если бы у нас было народнохозяйственное планирование, в принципе не могло бы случиться ни обвала инвестиций, ни обвала реальных доходов, потому что при планировании хочешь не хочешь, но всегда подводятся итоги по результатам выполнения плана, соответственно по ним стимулируются исполнители, что не происходит при наших программах. Поэтому возврат к народнохозяйственному планированию, которое использовали и используют 39 стран мира, заимствовав это из опыта СССР, – настоятельная необходимость.

Между прочим, только в России в 2015 г. из крупных стран была рецессия. Мировая экономика, экономика и развитых, и развивающихся стран вели себя в этот год совершенно спокойно. Темпы даже немного возросли у ряда крупных стран. Самое удивительное: когда инвестиции начали снижаться и возникла стагнация, никто не собрался, не обсудил, чем вдруг заболела экономика. Ведь, не поставив диагноз, нельзя из этой ситуации выбраться. Ни на петербургском, ни на сочин-

ском, ни на Гайдаровском форуме не было секции или круглого стола, где был бы прямо поставлен вопрос, что происходит в экономике, почему вдруг она натолкнулась на стену и фактически остановилась. То же самое произошло в 2015 г. Никто не обсудил, как это может быть, что резко снизился прирост номинальной зарплаты на предприятиях и в организациях при увеличении финансового результата из-за повышения цен. Почему цены взлетели сразу на 15,5%, в отличие от антикризисной программы 2009 г., когда удалось предотвратить значительное обесценивание рубля, снизив его? И в печати мы не находим статей с объяснением, почему на 30% обрушились госинвестиции, почему вдруг против столь значительного повышения цен и снижения реальных доходов и потребления населения в 2015 г.

Ясно, что систему мониторинга и управления хозяйством нужно серьезно менять, если мы не умеем ни предвидеть, ни отслеживать, ни анализировать, что происходит, и тем более не умеем предотвращать нежелательные события.

– Что нас ждет в перспективе? Каковы наиболее вероятные варианты будущего развития, на ваш взгляд?

– Варианты зависят от того, что будет делать правительство, какие новые мероприятия оно будет осуществлять и сколько на это выделят средств. Это пока неясно.

– Как неясно? Ведь была утверждена антикризисная программа, составлен бюджет до 2023 г. и не только в целом по Федерации, но и по регионам. Доработаны были национальные проекты с учетом новых условий. Что ещё нужно?

– Всё дело в том, что антикризисная программа, о которой идет речь, и утвержденный бюджет составлялись в период, когда вторая волна только начиналась и будущее выглядело совсем иначе, чем сегодня. Правительство исходило из того, что пандемия в основном закончится в конце 2020 – начале 2021 года и месяца за три мы восстановимся, а потом начнем движение вверх, особенно во второй половине 2021 г. Никто не предполагал, что вторая волна будет втрое мощнее, чем первая, и вдвое продолжительнее. И что только после всеобщей вакцинации (процентов до 70% всего населения) можно будет снимать ограничения. Никто не думал, что 2021 год будет тоже кризисным. И число зараженных в 2021-м, вероятно, превысит уровень 2020 г. Сложилась совершенно новая условия. К тому же условия с неопределенными рисками, возможно, третьей волны пандемии весной или осенью, распространения новых штаммов коронавируса, более заразных, из-за которых в Великобритании был объявлен новый локдаун, которого не было при первой волне. Неясно, как будет проходить вакцинация. Пока производство наращивается крайне медленно, да и 2/3 населения не хочет прививаться. Удастся ли переломить ситуацию в России, не очень ясно, так что сложилась новая ситуация,

новые условия и нужны дополнительные меры, новая серьезная программа, более длительная. И она, как известно, правительством интенсивно разрабатывается. Это, на мой взгляд, потребует коренного пересмотра бюджетных проектировок. Пока того не происходит. Вносятся лишь отдельные коррективы.

Но главный вопрос: какие варианты вероятны в перспективе? Я думаю, что показатели 2019 г., кроме показателей смертности и народонаселения, будут восстановлены к концу 2022-го, в крайнем случае, в 2023 г. Но это не позволит начать устойчивый социально-экономический рост, потому что не будут полностью восстановлены к этому времени драйверы социально-экономического роста. Инвестиции в основной и человеческий капитал нужно поднять более чем на 10%, жилищное строительство нарастить на 15%, а внешнеэкономический оборот – на 20%. И это невозможно осуществить за 1–1,5 года: нужно как минимум 2–2,5 года масштабных мер с крупными вложениями средств.

Социально-экономического роста нельзя достичь без восстановления ранее достигнутых уровней реальных доходов, конечного потребления, розничного товарооборота, спроса населения. Устойчивого роста без повышения благосостояния не бывает. Реальные доходы надо поднимать на 15%, а это – минимум 3 года, осуществление очень серьезных мер, к которым мы плохо готовы и пока не намерены. Мало того, эти меры мы всерьез даже не обсуждаем, настолько они выходят за пределы нашего обыденного мышления как людей, живущих сегодняшним или вчерашним днем, но забывших о позавчерашнем падении и о предстоящих рисках.

Поэтому наиболее вероятный вариант – восстановление в 2022–2023 гг. экономических показателей, в 2023–2024 гг. – объема инвестиций в основной и человеческий капитал и в 2024–2025 гг. – достигнутых значений реальных располагаемых доходов, розничного товарооборота, конечного потребления, ранее достигнутого платежеспособного спроса. В результате в 2024–2025 гг. мы перейдем к стагнации с ежегодным темпом по 1,5–2%.

Опять стагнация... А она, в отличие от кризиса, не имеет встроенного механизма «отскока от дна», послекризисного подъема. Наоборот, стагнация всегда вызывает негативные тренды и пытается опустить экономику в рецессию. Так было в самой знаменитой 10-летней стагнации в США, начавшейся в 1970-е годы. Вначале ее пытался преодолеть президент Генри Форд. Ничего не получилось, и он не был переизбран на второй срок, что бывает нечасто. В ночь подсчета голосов, как известно, он заснул, будучи уверенным, что завтра проснется вновь избранным президентом. Но его победил Джон Картер, который выдвинул вдохновляющий план преодоления негативной ситуации, составленный как лучший образец антикризисного плана. Но стагнация – не кризис. Она намного хуже. И план Картера не сработал. Обеспечить рост не удалось. И он тоже не был переизбран на второй срок. Пришел Рональд Рейган, и его выдающиеся советники разработали знаменитую программу «рейганомика», совершенно необычную, ни на что не похожую:

они снизили налоги, высвободили в числе прочего для богатых значительные суммы и создали условия, чтобы их высокоприбыльно вложить в инновационные проекты по созданию новой техники и технологии. Для этого они вдвое снизили сроки амортизации и стимулировали предприятия выкинуть устаревшую технику, заменив ее новой, перейдя на более высокие технологии. И США, которые отстали за годы стагнации от Японии, Тайваня и частично даже от Южной Кореи по инновационному развитию, в кратчайший срок восстановили свое первенство. И 25 лет, до 2007 г., развивались без сколь-нибудь крупных падений, улучшая и социальные, и экономические показатели. Мы пока до конца не поняли, что стагнация – это не кризис, а потому бороться с ней нужно другими методами.

Как я упомянул, стагнация вызывает негативные тренды. Первый такой тренд в России – сокращение валовых вложений в основной и человеческий капитал, о чем говорилось выше. Второй тренд – ежегодный отток капитала, который начался в кризис 2008 г. и идет уже 14-й год. Из страны ушло больше, чем пришло в зарубежные страны – более 800 млрд. долларов. В 2020 г. отток почти вдвое превысил показатели 2019 г. (47,8 млрд. долларов). Третий тренд, как следствие первых двух, снижение коэффициентов выбытия фондов и их обновления, прогрессирующее устаревание и возрастающая отсталость. 23% машин и оборудования в России работают свыше сроков амортизации. Вчера и позавчера они должны были быть выброшены, но продолжают работать, хотя больше простаивают, чем трудятся, и требуют всё время средств на ремонт, замену запчастей, не позволяют поднять производительность, улучшить эффективность, качество, осваивать новые изделия. Всё это тянет экономику вниз.

Нарастающий негативный тренд – демографический кризис, о котором я упомянул. На 5 млн. человек сократилась в России в последние годы численность трудоспособных, возник дефицит рабочей силы по ряду направлений и в некоторых регионах, продолжается отток людей с Дальнего Востока и из Сибири в противовес 300-летней традиции притока туда трудоспособного населения и приоритетного освоения этих регионов, в том числе в советское время. Дальний Восток потерял 20% населения в период новой России, а Сибирь –9%. Вот вам пространственная политика.

Минэкономразвития надеется, как заявляет его министр, что мы всё-таки выйдем на 3-процентный рост в последующие годы. Но ни западные, ни отечественные эксперты этого не прогнозируют.

Насколько трудно выйти из стагнации, показывает опыт 2018 г. После резкого снижения цен на нефть в 2015–2016 гг. в последующие два года цены на нефть взлетели в два раза. И экспорт увеличился почти на 60%. Это дало большой толчок развитию хозяйства. В страну пришла дополнительная валюта, удалось увеличить инвестиции более чем до 5% в год, что подняло валовый продукт на 2,5%. Казалось, ещё небольшое усилие – и мы перейдем к социально-экономическому

росту. Наступил вроде бы хороший 2019 г. Но темпы вдвое сократились, инвестиции замерли, прирост реальных доходов минимален. 2019 г. оказался одним из худших годов стагнации. Выбраться из негативных трендов не удалось. Они перешли и, как мы видели, усилились в 2020–2021 гг. Нужны сверхусилия, чтобы преодолеть стагнацию.

– Но что всё-таки надо сделать, чтобы преодолеть стагнацию? Что предстоит сделать в 2021–2022 гг.?

– Стагнацию можно преодолеть только при форсированном росте инвестиций в основной капитал, вложений в человеческий капитал, при развороте крупного жилищного строительства и приоритетном увеличении экспорта. Они создают основной экономический рост. Особенно важно эти меры приурочить к «отскоку от дна», который мы будем иметь во второй половине 2021 г. и в 2022 г. при выходе из нынешнего кризиса. Этот отскок будет весьма весомым, потому что, как только будут облегчены коронавирусные условия, начнется рост сферы услуг, восстановится занятость, возрастут производство и доходы, экономика начнет подниматься. И если в это время подхватить подъем за счет инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал, то можно «перепрыгнуть» через стагнацию и сразу выйти, хотя бы на минимальный 3-процентный рост. А если форсаж этих показателей ещё на 2–3 года продолжить, то этот рост станет устойчивым и, возможно, увеличится до 4% в год. Ведь прирост валового продукта дает дополнительные финансовые средства – 4–5 трлн. рублей в год, которые опять-таки можно использовать для поддержки этого роста.

– А что значит форсированный рост?

– Форсированный рост – это прирост инвестиций по 10–15% в год. Известна закономерность: темп социально-экономического роста напрямую зависит от доли инвестиций в основной капитал и доли «экономики знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение) как главной составной части человеческого капитала в ВВП. В России сейчас эта доля предельно низка. Доля инвестиций в основной капитал – 17%, а доля сферы «экономики знаний» в ВВП – 14%. При таких долях социально-экономический рост невозможен. В индустриальной стране, как Россия, для 3-процентного роста в среднем в год надо долю инвестиций иметь хотя бы 22%, а долю «экономики знаний» – хотя бы 20%.

Для сравнения: развитые страны имеют долю инвестиций около 20%, а долю «экономики знаний» в Западной Европе – 30%, в США – 40%. Они находятся на постиндустриальном этапе развития, и у них главным драйвером является «экономика знаний». А у нас, как у развивающихся стран, главный драйвер – инвестиции в основной капитал. У развивающихся стран доля инвестиций в ВВП – 30–

35%, а доля «экономики знаний» – 15–20%, и они ежегодно растут по 4–5%. Китай при доле инвестиций 45% и «экономики знаний» 22% развивался по 6–7%. В 2021 г. намечается прирост экономики 8%.

В России, чтобы в течение 3–4 лет достичь в размере инвестиций и объеме человеческого капитала уровня, при котором гарантируется социально-экономический рост, нужны такие форсированные инвестиции. Этот форсаж мог бы продлиться до 2025-го, максимум до 2026 г. В последующие годы прирост инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал можно ограничить 8%, как это было в России в 2010–2012 гг.

– И куда же направить эти инвестиции?

– Прежде всего, на массовое технологическое обновление действующего производства, на создание новых мощностей высокотехнологичных отраслей и на формирование современной транспортно-логистической инфраструктуры, а также на жилищное строительство. Именно эти процессы вызывают социально-экономический рост за счет повышения эффективности, интенсификации и делают его устойчивым.

– А где взять столько средств?

– Необходимые для форсированного роста средства не так уж и велики. А на прирост инвестиций в основной капитал и прирост вложений в человеческий капитал вместе нужно вложить, чтобы увеличивать их по 10–15 %, до 5 трлн. рублей в год при валовом внутреннем продукте страны 110 трлн. 2/3 этих средств может составить инвестиционный кредит крупных российских банков, в основном пока государственных. Ведь в 2020 г. общие активы банков выросли на 16% и сравнялись с валовым внутренним продуктом. Пока из них менее 2 трлн. отечественные банки вкладывают в инвестиции и совсем не вкладывают в профобразование. Надо эти вложения сначала удвоить, а потом и утроить. Кстати, и в развитых, и в развивающихся странах доля инвестиционного кредита в общих инвестициях и в активах банка в среднем впятеро больше, чем в России. Ведь технологическое перевооружение действующего производства имеет среднюю окупаемость 5–7 лет. И чтобы заинтересовать предприятия, нужно предоставлять инвестиционный кредит под 5% годовых. Ввод новых мощностей – окупаемость 10–12 лет, снижение процентной ставки, скажем, до 4%. Наконец, переход к массовому строительству двусторонних автострад и скоростных железных дорог тоже окупаемое дело – 20–25 лет. И здесь кредит целесообразно предоставлять на длительный срок под 3%. Доплату банкам, чтобы им это было выгодно, можно осуществлять за счет бюджета. Это относительно небольшие средства – примерно 1/20–1/30 часть от кредитной суммы. Кстати, до 5 трлн. рублей в консолидированном бюджете, прежде всего, по статье «Национальная экономика» безвозвратно фи-

нансируются на окупаемые проекты. Если их перевести на низкопроцентный кредит, то можно высвободить 4,5 трлн. рублей для других нужд, в том числе и указанных выше. Источником инвестиционных средств может быть также часть золотовалютных резервов, которые недавно превысили 600 млрд. долларов, и в России их стало больше, чем в США или в Германии, Великобритании, Франции и Италии вместе взятых. 300 млрд. долларов из этих денег можно сохранить в качестве подушки безопасности, а остальную часть (сверх Фонда национального благосостояния) использовать по 20–25 млрд долларов в год в виде инвестиционных окупаемых средств.

Другим крупным источником кредитов могут быть дополнительные займы государства, чьи внешние долги составляют 4% ВВП против 80% у стран ЕС и более 100% в США. А если суммировать внешние и внутренние долги, то наш долг менее 20%, в то время как в Японии – 250% (при золотовалютных резервах 1000 млрд. долларов), а в Китае – даже 260% (при золотовалютных резервах около 3500 млрд. долларов). Мы вполне можем нарастить государственный долг сначала до 30, потом до 40, а если нужно и до 50% ВВП. Безопасным по жестким европейским нормам считается госдолг в 60% ВВП.

– А как заинтересовать сами предприятия и организации инвестировать в свои основные фонды?

– Надо стимулировать. Можно было бы освободить от налогообложения ту часть прибыли, из которой черпаются инвестиции. Это дало бы по подсчетам 1 трлн дополнительных инвестиций. Нужно также хотя бы в 1,5 раза сократить сроки амортизации, что увеличит амортизационный фонд и даст ещё 1 трлн дополнительных средств. А чтобы стимулировать технологическое перевооружение и ввод новых мощностей, надо на этот период давать налоговую паузу, таможенные льготы, если надо, административные льготы.

– Вы упомянули, что социально-экономический рост невозможен без повышения реальных доходов, потребления, платежеспособного спроса, а он у нас ниже на 10–15% уровня 2012–2013 гг. Как его можно хотя бы года за три поднять до нужных размеров, что будет стимулировать социально-экономический рост?

– Понятно, что на 10–15% нельзя поднять доходы за счет частичных мер. Нужны всеобщие мероприятия. Эксперты предлагают поднять минимум зарплаты с 12 до 20 тыс. рублей, что-то можно сделать в основном за счет средств предприятий, прежде всего крупных, которые набиты деньгами и на счетах в наших банках, и в офшорах. Надо поднять средний размер пенсий с 15 до 20 тыс. и предоставить возможность с пониженной пенсией досрочно в 55–60 лет выходить на пенсию. Это потребует 2–3 трлн. рублей. Надо освободить от налогообложения

душевые доходы ниже 20 тыс. рублей в месяц, установив плавную прогрессивную шкалу для богатых. Можно было бы снизить налоги с предприятий и организаций, которые производят, продают или предоставляют услуги недостаточно обеспеченным гражданам. И, напротив, поднять налоги, например, при продаже жилья по повышенным ценам, для 4–5-звездочных гостиниц, дорогих торговых сетей и т.д.

Самый трудный вопрос – как повысить доход проживающих на селе и в малых городах, где средний душевой доход 20–25 тыс. рублей в месяц вместо 35 тыс. в среднем по России и 45 тыс. в крупных городах. Это нельзя сделать путем механической прибавки, как с минимальной зарплатой или пенсией, ибо это коснется более 50 млн. человек. Ассоциация «Федеральный сельсовет» предлагает на базе относительно крепких подсобных хозяйств при наличии трудоспособных членов семьи создать сотни тысяч фермерских крестьянских хозяйств за счет предоставления беспроцентных кредитов и льгот. Их нужно объединить в промысловую кооперацию и дать ей низкопроцентный кредит и льготы для создания в малых городах и на селе тысяч небольших предприятий по переработке продукции и обслуживанию фермерских хозяйств, создать общероссийскую сеть КООП по опыту других стран. Потребуется 2–3 трлн. рублей из бюджета на дополнительную помощь. Обращаю внимание, что фермерские хозяйства растут вдвое быстрее, чем другие хозяйства на селе, несмотря на то что они обделены, в отличие от крупных частных агрохозяйств, существенной государственной помощью.

Повышение доходов населения в значительной мере может быть проведено за счет государственных средств. Предлагается в 2021–2024 гг. на это потратить до 10 трлн. рублей за счет Фонда народного благосостояния, средства которого, по нашему мнению, надо использовать только по прямому назначению. А на инвестиции, в том числе на инфраструктуру, которые являются окупаемыми в конечном счете, целесообразно использовать долговременные низкопроцентные кредиты, как это делается в Китае.

И последнее. Нужно урегулировать огромную задолженность граждан малого и среднего бизнеса, пересчитать проценты, по которым надо возвращать долги, чтобы они были не выше 8%, амнистировать малообеспеченным семьям часть долгов, продлить срок возврата долгов. Вообще надо прекращать с ростовщичеством, на котором наживаются крупные банки благодаря своим привилегиям и близости с государством. Ведь в кризис 2020 г. из крупных отраслей только банки оказались высокоприбыльной сферой – 11% рентабельности. Дополнительные доходы финансовой сферы выросли на 8% в 2020 г., в то время как многие отрасли материального производства и сферы услуг оказались убыточными, на грани выживания.

– За счет чего банки так обогатились в кризис?

– Ответ ясен. Если в одном месте прибыло (финансы, особенно банки), в другом – убыло (предприятия и особенно индивидуальные предприниматели, малый бизнес, физические лица).

– Вы говорите о крупнейших мерах и в области повышения доходов, и в области форсирования инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал. Можно ли это осуществить при нынешней системе управления?

– Скажу прямо: нельзя. Надо менять и социально-экономическую политику, и систему управления. Многие предлагают перейти на 5-летний план, и первый такой план составить на 2021–2025 гг. с ключевыми показателями до 2030–2035 гг. Следовало бы поставить задачу достичь экономического и социального уровня развития нашей страны на основе научно-технологического прорыва, сопоставимого с развитыми странами за 10–15 лет. Для этого надо выйти на 3-процентный социально-экономический рост в 2023–2025 гг., 4-процентный рост – в 2026–2030 гг. и 5-процентный рост, когда доля инвестиций в основной и человеческий капитал возрастет до 30–35% ВВП, в 2031–2035 гг.

Надо ввести стимулы. Я говорил только про производство, но стимулы нужны и для получения профобразования. Надо гражданам предоставлять на 15–20 лет низкопроцентный кредит. Получив профобразование, увеличив свой заработок, они возвратят этот кредит, если он будет беспроцентный или трехпроцентный, к примеру. Льготы нужны для импортозамещения, для развития экспортных отраслей.

Необходимы также структурные реформы, о которых в последнее время говорят всё меньше. И прежде всего реформа частной собственности с массовой приватизацией тех предприятий и госструктур, которые занимаются самообогащением, а не выполнением государственных функций. Сейчас предприятия и организации, находящиеся в госсобственности или контролируемые государством, производят 71% ВВП, а в 2003 г. производили 35. Предлагается их долю сократить до 45%, например.

Предстоит осуществить реформу финансовой системы с поворотом банков лицом к проблемам социально-экономического роста, прежде всего инвестиционного кредитования. Надо развить внебанковские фонды «длинных денег», изъяв их у Центрального банка, неспособного это делать и невыполняющего неоднократные указания В. В. Путина о воспроизводстве для России «длинных денег».

Следовало бы перевести субъекты Федерации на самокупаемость, самофинансирование и самоуправление.

Теперь о реформах в социальной сфере. Целесообразно перейти на накопительные пенсии и увеличить размер пенсий в 1,5–2 раза, как это требуют международные нормативы. Нужно втрое поднять пособие по безработице, которое в России является самым низким в мире, ниже прожиточного минимума. Крайне важно удвоить долю здравоохранения в ВВП, подняв её с 5% (140-е место среди 189 стран мира) до 10%, как в Западной Европе (а США имеют 17%) за счет оплаты значительной части страховой суммы. Надо перевести ЖКХ на рыночные цены

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

и частную собственность. Целесообразно также ввести налог на жилье и участки граждан, дав льготы малообеспеченным, направив этот налог в муниципалитеты как финансовую основу активизации гражданского общества.

И всё это надо осуществить, когда начнется социально-экономический рост при индексации зарплаты, если нужно, без снижения реальных доходов.

Возможности России велики. Главное – это наличие образованного населения и большие повсеместные заделы. Надо мобилизоваться и обеспечить подъем. Хочется видеть нашу страну развитой и передовой.